

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав ТОГУЛЕВ

К 180-летию Ф. М. Достоевского ЗАГАДКИ КУЗНЕЦКОГО ВЕНЦА (ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ)

Федор Михайлович, как известно, венчался первым браком с М. Д. Исаевой в 1857г. в Одигитриевской церкви Кузнецка (нынешний Новокузнецк).

Тема «кузнецкого венца» одна из наиболее загадочных в достоевковедении. В литературе содержатся десятки трактовок этого удивительного «эпизода» в жизни великого писателя, порой взаимоисключающих друг друга, да и оценка «кузнецкого периода», данная в разные годы самим Достоевским, далеко не однозначна. Клубок противоречий и странностей, сопутствующих «кузнецкому венцу», мы попытались отразить в только что подготовленной к печати объемной книге «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и биографических источниках минувшего века», которую сегодня и анонсируем.

«Дядюшкин сон»

Фабула «кузнецкого венца» достаточно известна: Достоевский проживает в Семипалатинске, где знакомится с семейством Исаевых и где возникает его чувство к Исаевой Марии Дмитриевне - тогда еще замужней dame. Александр Иванович Исаев получает назначение в Кузнецк, перебирается туда и там умирает. Какое-то время спустя Исаева воспылала чувством к молодому кузнецкому учителю Николаю Борисовичу Вергунову, который становится соперником Достоевского. И вот соперник побежден, а Достоевский венчается с Исаевой в Кузнецке и уезжает с ней в Семипалатинск. Но - побежден ли? Из документов известно, что всего через несколько недель после венчания Достоевского Вергунов оказывается в Семипалатинске. Дочь Достоевского, Любовь Федоровна, считала, что связь Исаевой и Вергунова продолжалась чуть ли не до самой ее кончины в 1864 году.

Бесконечные умолчания привели к перекосам в трактовке облика самого Достоевского. А ведь биография писателя и его творчество тесно связаны. Не поняв факты жизни Достоевского - не поймешь особенности его творческой кухни.

Упомянутая же «творческая кухня» Достоевского, касающаяся фактов собственной биографии и женитьбы на Исаевой (а произведения Достоевского почти все без исключения автобиографичны!), была выставлена на обозрение читающей публики еще в период сибирского его бытования в 1859 году. В повести «Дядюшкин сон» Достоевский пишет о старом обманутом князе, причем в ней находим отражение любовного треугольника по типу Достоевский-Исаева-Вергунов. Как уже было сказано, повесть опубликована в 1859 году, но писалась она - в 1857-м, при странных обстоятельствах: в феврале Достоевский привозит молодую жену в Семипалатинск, спустя непродолжительное время туда же приезжает Вергунов. Достоевский оставляет жену в Семипалатинске и едет на два месяца (!) лечиться в форпост Озерный. Зная, что соперник его - в одном городе с женой. И именно в Озernом он пишет «Дядюшкин сон», в котором с Вергуновым разделяется на диво лихо. Сам Достоевский считал означенную повесть «некорошим явлением в публику». Но почему - «некорошим»? Не потому ли, что в ней отражена скандальная связь М. Д. Исаевой с Вергуновым?

Впрочем, возможна и другая трактовка. Достоевский отличался исключительной, почти маниакальной подозрительностью. Возможно, он только дал волю подозрениям и расправился в повести с ни в чем не повинными Исаевой и Вергуновым только на том шатком основании, что последний «ринулся» вслед за обвенчанными Достоевскими из Кузнецка в Семипалатинск, и дал этим повод для сплетен семипалатинским обывателям. А ведь беспочвенные подозрения - это дело «некорошее», не отсюда ли и поминаемая самим Достоевским «некорошество явления в публику»?

«Нарочитое выдумывание»

В одном из писем к брату Ф. М. Достоевский признается, что иной раз «для денег» вынужден «нарочито выдумывать повести». Словосочетание «нарочито выдумывать» выделено курсивом. Следует ли понимать, что «Дядюшкин сон» - лишь «нарочитая выдумка»? Для того, чтобы потерзать Марию Дмитриевну и ее бывшего возлюбленного (а то, что Достоевский был «терзателем» - широко известно). Или, может быть, Достоевский не хочет, чтобы брат, прочитав «Дядюшкин сон», догадался об его автобиографичности и скандальности «тройственной» связи? Отсюда - заверения, что, мол, никакой «тройственности» и не было, а все написанное - «нарочитая выдумка из-за денег».

Поражает еще одна странность. «Дядюшкин сон», как уже было сказано, писался в форпосте Озерном, когда Достоевский лечился там от эпилепсии. Но ведь эпилепсия - «болезнь нервная», а Достоевский в Озерном только тем и занимается, что сводит счеты с Вергуновым на бумаге и ворошит еще не зажившие душевные раны. Кроме того, он признавался, что «Дядюшкин сон» «много мне стоил» и был мучительным. Не потому ли, что о себе, обманутом, писать всегда мучительно? Но как же тогда «мучения» соотнести с душевным спокойствием, которого Достоевский добивался в Озерном, врачуя свою «нервную» болезнь...

Извечность « треугольника »

Не раз подмечалась и такая особенность: Достоевский всю жизнь находился под впечатлением «тройной любви». «Треугольник» описывался в его сочинениях задолго до коллизии Достоевский-Исаева-Вергунов. Не означает ли это, что «любовный треугольник» был извечной идеей-фикс Достоевского, и что не Вергунов с Исаевой привлекли за собой череду «тройственных» персонажей в его романах, а, напротив, сам «кузнецкий венец» возник из гипертрофированных «групповых» представлений писателя о настоящей любви и ревности. И если «групповая» связь рушится - женщина перестает быть ему интересна. И тогда - изобретается новый треугольник, терзательный уже для отвергнутой им женщины (в нашем случае - Исаевой).

Сожалел ли Достоевский о былых «отживших» связях? Возможно. Сожалел - на бумаге, в личных письмах, «для друзей и потомков». А в жизни? В творчестве? Чем объяснить, что из романа в роман кочуют сцены о «бедной чахоточной идиотке» (Исаева болела чахоткой), на руку и сердце которой, тем не менее, претендуют сразу два соперника, и у чахоточной от одного из них сын (у Исаевой - сын Паша). Об этом - в романе «Подросток». Но - неужели к памяти своей первой жены Достоевский так упоительно жесток? Притом, что если она даже и изменяла ему с Вергуновым, то ведь и он заводил романы с другими женщинами еще при жизни Исаевой. Тогда зачем, зачем ему нужно было оскорблять память первой жены, уже посмертно называя ее «идиоткой»? Не для того ли, чтобы удовлетворить ревностное чувство второй жены - молодой Анны Григорьевны? Но какова же была она, эта ревность, если уже мертвую соперницу в «Подростке» Достоевский называет «не женщиной» и вообще - «сумасшедшей»...

«Бедная идиотка»

О том, что Исаева страдала приступами экзальтированности - известно. Однако, судя по героям романов, следует, что «помешанной» она была уже накануне венчания. Конечно, романы - не копийный сколок с жизненной ситуацией, но тогда чем объяснить, что об «идиотке», которая вот-вот собирается венчаться, Достоевский пишет не раз и не два? И если Исаева была действительно «помешанной», то почему же Достоевский на ней женился? В романе это объясняется так: была любовь к другой женщине. Эта любовь переросла в ненависть. И дабы уверить себя, что - ненавидит, герой внезапно женится на чахоточной «бедной идиотке».

Существуют и куда более реалистичные объяснения. Любовная интрига превращается в сложнейшую многоходовую комбинацию, - под стать тем, что описаны в романах. Исаева и Достоевский были взаимополезны, и их брак, возможно, строился в большей мере и на расчете. Но об этом - ниже. Пока же - о другом. О сути отношений.

В одном из писем Достоевский сообщал, что еще в период пребывания Исаевой в Семипалатинске он уже получил доказательство ее любви. Что это за доказательство? Для мужчины могло быть только одно доказательство такого рода - близость. Но ведь Исаева - в Кузнецке, а Достоевский - в Семипалатинске. И, значит, если таковая была, то - при живом муже, в Семипалатинске? И можно ли в этом сомневаться, если несколько лет спустя все повторится - роман Исаевой и Вергунова ведь тоже будет «при живом муже», но уже - при Достоевском.

Любовь к Исаевой у Достоевского вспыхнула как-то очень «вовремя». В романтических письмах, отправленных им брату Михаилу и другу, барону Врангелью, любовь к Исаевой постепенно превращается в повод к настойчивым, если не сказать навязчивым, просьбам «устроить мою судьбу». Достоевский был еще ссылочным солдатом, отбывшим каторгу. «Устроить судьбу» - значит, обеспечить его деньгами и чином. Без денег и чина - не жених. Исаева, как-никак, дворянка, а Достоевский в правах еще не восстановлен. Врангель и брат Михаил стараются и добиваются невозможного. И чин, и деньги - всем Достоевскому обеспечивают. Дворянство тоже вернут. И все это - только для того, чтобы ублажить Исаеву? Чтобы покорить ее сердце, а через три месяца после венчания бросить ее в Семипалатинске на 60 дней и уехать «лечиться» в Озерный, в то время как Исаева общается с Вергуновым? И если связь с нею была не только любовью-мучительством, но и любовью-расчетом, то не была ли Исаева просто поводом разжалобить «верхи» и заставить Врангеля хлопотать об «устройстве судьбы» Достоевского еще усерднее? Ведь бывший каторжник, раскаявшийся, женатый - совсем не то, что бездомный бобыль. Но вот желаемое достигнуто - чин и деньги получены, дворянство возвращено, и повод для получения всех этих благ забыт - Исаева («бедная идиотка») уже не нужна. Таким образом, любовь стала лишь дорогой к чину?..

Читателю не нравится такая нелицеприятная трактовка? А кто сказал, что жизнь вообще «лицеприятна»? Из писем Достоевского следует однозначно, что карьера и деньги нужны для брака с любимой женщиной. Но ведь все могло быть с точностью до наоборот.

И что же Исаева? Если она любит Достоевского (впрочем, и Вергунова любит, и мужа своего умершего!), то почему же ждет, когда его судьба «обустроится»? Ведь Достоевский ей тоже выгоден. Чем не жених? В Семипалатинске оброс связями (барон Врангель один чего стоит!), автор уже опубликованных книг, подающий надежды на будущее. Смущает только одно: простой солдат. Но вот Достоевский возведен в прaporщики - и тут же все решается. Вергунов отвергнут.

Правда, было еще одно обстоятельство - деньги. Но Достоевский пишет дядюшке с надеждой - авось вышлет тысячу рублей на «устройство судьбы» несчастной и большой Марии Дмитриевны. Акции Исаевой в глазах Достоевского все более поднимаются по мере того, как родственники и друзья все активнее пытаются помочь влюбленным ипускают в ход свое влияние и связи, чтобы «ввести в свет» бывшего каторжника. Создается впечатление, что именно «весь свет» задействован в устройстве судьбы Достоевского только на том основании, что Исаева пока еще в нерешительности и в раздумьях: за кого выйти замуж.

И для того, чтобы убедить безвестную вдову в неописуемо далеком Кузнецке, необходимо ни больше ни меньше как вмешательство графов, баронов и генералов. Более того - Достоевский просит Врангеля через графа Тотлебена обратиться к царю (чтобы простил бывшего каторжника) - и все это, чтобы ублаготворить бедную вдову из далекого и мало кому известного Кузнецка! По логике одного из писем Достоевского так и выходит: вмешаться должен лично царь и сделать послабление Достоевскому, чтобы Исаева снизошла до замужества с ним. Все это как-то странно смахивает на водевиль, в котором - и любовь, и сильные мира сего, и ожидание особых милостей от них. Словом - «любовь и злато». Возможно, иные скажут: как сильна была любовь Достоевского, если ради нее он просит друга дойти даже до царя! Но возможно и иное, куда более кощунственное прочтение: чтобы Достоевскому додуматься «потревожить» царя, Исаеву следовало бы выдумать, но, к счастью, судьба поместила ее на пути бывшего каторжника, и вот Достоевский в ожидании - не посыпятся ли ми-

ности из самого Петербурга! Разумеется, роман разворачивается более чем деликатно. Но интрига закручена таким образом, что любовь к Исаевой настоятельно требует денег и чина для самого Достоевского.

«Мы были бы с ней счастливы...»

В одном из писем предвенчальной поры Достоевский убеждает адресата, что с Исаевой он был бы счастлив. Говорят, Достоевский - незаурядный психолог, и потому его романы - это шедевры психологического анализа. Но если так, то как же он мог ошибиться насчет Исаевой? Ведь его прогнозы не оправдались: ни Исаева, ни он в браке не были счастливы. Сам Достоевский, похоже, это поймет через несколько недель после брака, когда бывший его соперник, Вергунов, нежданно-негаданно объявится в Семипалатинске, приехав вслед за Исаевой после кузнецкого венчания.

Впрочем, если был расчет, а не любовь - тогда переезд Вергунова в Семипалатинск понятен. Потому что тогда Достоевскому и дела нет до Вергунова, ведь главное - «обустройство моей судьбы». Для достижения этого «обустройства» все методы хороши - и любовь к Исаевой, и угрозы суицидом. Суицид, правда, облеченный в изящную словесную форму: ипохондрия так его одолела, что «умру с тоски, если потеряю ее», или брошусь в «Иртыш» (из писем близким людям). Со стороны это выглядело так: если не пришлете денег, моя смерть - на вашей совести. Чувство к Исаевой расписано ангельски светло и чисто, а угрозы довести себя до смерти так драматичны и эффектно завуалированы, что тут поневоле - раскошелившись.

Достоевский писал, что он хотел «всю жизнь... посвятить на то, чтобы сделать ее счастливою». Исаеву счастливой он не сделал. Жизнь ее - непрерывное страдание. Да и как-то не согласуется с этой его декларацией бурный роман с Алоллинацией Сусловой (при еще живой, однако смертельно больной Исаевой!). Но разве он не писал, что путь к наслаждению лежит именно через страдание? Исаева страдала, а Достоевский помогал ей в этом. Ведь чем больше страдаешь - тем упоительнее грядущее наслаждение от последующего раскаяния...

Сделка

До сих пор остается туманным вопрос, почему Вергунов так легко отступил от Исаевой? Если знал, что связь Достоевского с Исаевой зиждется на расчете - тогда все понятно: раз любви нет, то можно продолжать любить Исаеву и рассчитывать на взаимность даже после венчания с Достоевским и, значит, никакого «отступления» и в помине нет. Однако видимость все-таки соблюдена: ведь свадьбу-то Исаева играет не с Вергуновым, а с Достоевским. Но почему Вергунов не продолжает бороться и даже выступает на бракосочетании шафером по жениху?

И тут - загадочный момент. Широко известно из писем Достоевского, что тот просил у своих влиятельных друзей похлопотать за Вергунова, обеспечить ему чин и жалованье. Какое бескорыстие! Какое самопожертвование! Во имя Исаевой - чтобы устроить ее будущность с Вергуновым, если ее брак с Достоевским будет невозможен. Какая сила духа и благородства! Однако все эти восторженные оценки перечеркиваются всего лишь одним-единственным обстоятельством. Сам Достоевский уже после того, как его венчание с Исаевой было решено, сознался, что в пору, когда хлопотал о Вергунове, уже знал, что Исаева будет принадлежать ему, Достоевскому. Но раз это так - то, стало быть, все рассуждения о желании сделать Исаеву счастливой даже с Вергуновым - это блеф? И как тогда расценивать хлопоты Достоевского о Вергунове? Как взятку? Отступись от Исаевой - и получишь чин и жалованье. Неромантичный торг? Пожалуй. Но торговали только видимостью вещей. Потому что с приездом Вергунова в Семипалатинск, если верить Л. Ф. Достоевской, все вернулось на «круги своя»: связь Вергунова с Исаевой продолжалась.

Такой расклад ситуации объясняет многое. Например то, почему в первых «послевенчальных» письмах Достоевский почти не пишет об Исаевой. Хотя, казалось бы, самое время приняться за описание ангельских черт Исаевой. Но ничего подобного в письмах мы не находим. Идут какие-то странные рассуждения о выгодах женитьбы, о собственном «горловом спазме» и о делах самих адресатов. Молодой женой в медовый месяц полагалось хотя бы для виду повосхищаться. Но - нет. Никакой романтики. Обычная проза жизни. Если и любовь - то какая-то пуританская. И как-то

не верится, что всего несколькими месяцами ранее он убеждал своих знакомых, что без Исаевой - «с ума сойду, или в Иртыш»...

Убить Исаеву. Любой ценой...

О романах Достоевского в последние годы жизни Исаевой существует множество публикаций. Шуберт, Суслова, Корвин-Круковская - эти музы вдохновляют Достоевского в то время, когда Исаева медленно угасает от чахотки. Летом 1862 г. и летом 1863 г. Достоевский развлекается в Европе, играет в рулетку. Официальный повод для поездок - лечение эпилепсии. Однако с эпилепсией Достоевский проживет еще двадцать лет. А Исаева умирает от чахотки. И ей, чахоточной, нужен не петербургский климат (где она одно время жила с Достоевским), не московский и не тверской. Ей нужна была Европа - Швейцария и живительная Италия. Однако в Италии лечится Достоевский. На Исаеву нет средств. Где же их взять, если все уходит на рулетку. Достоевский отказывает Исаевой в столь необходимом ей европейском лечении в последние два года до ее смерти. И тем самым убивает ее. Роман с Аполлонией Сусловой - в самом разгаре. Описывая прелести Парижа, Достоевский сообщает: «Лучше всего здесь фрукты и вино, это не надоедает, о своих интимных делах я вам ничего не пишу...» (из письма к сестре М. Д. Исаевой).

О каких «интимных» делах говорит Достоевский в письме? Неужели же об «интиме» с Сусловой сообщает сестре своей собственной жены? Он не стесняется ей признаваться, что поглощен в Париже выбором фруктов и вин и особенно - игрой в рулетку. А в этот момент Исаевой нечем платить доктору за лечение. Воистину, все «преступления» Исаевой перед Достоевским, красочно расписанные его дочерью Л. Ф. Достоевской (и не с его ли собственных слов?) меркнут перед документально доказанными его поступками, которые буквально свели в могилу его первую жену. Исаевой не хватает денег и она стоит перед дилеммой: просто жить или - тратиться на лечение. А до смерти всего полтора года...

Л. Ф. Достоевская пишет, что Исаева не прерывала связи с Вергуновым до самой своей смерти. Но других подтверждений написанному не существовало и на сегодняшний день не найдено. И если даже «прелюбодейная» связь Исаевой, которую так ненавидят вторая жена писателя и ее дочь, существовала, то, во всяком случае, она не была столь публичной, как роман Достоевского с Сусловой. Если вообще - таковое «прелюбдействие» на самом деле было. А если нет? Тогда перед нами - святая, которая сносит изменения Достоевского и его поездки в теплые края, куда следовало ехать ей, чахоточной, дабы хоть немного оттянуть кончину...

Но если связи Исаевой с Вергуновым не было (по крайней мере, в постсибирский период бытования Достоевских), то зачем нужна была Л. Ф. Достоевской такая ложь? Притом, что облик дочери Достоевского не выглядел монструозным и она вряд ли без достаточных оснований стала бы клеветать на умершую. И тогда - не сам ли Достоевский убедил вторую жену и дочь в том, что Исаева была изменницей? Зачем? А для того, чтобы оправдать в их глазах собственные изменения и романы в период, когда Исаева была еще жива. С обликом Достоевского сказанное вполне вяжется (об этом мы расскажем в другой публикации).

Вторая жена и дочь рассказам, оскорбляющим память Исаевой, поверили охотно. Тем более охотно - что женщины ревнивы. О том, что Достоевский иногда намеренно лгал в письмах, мы уже знаем. Так что легенда о встрече Исаевой с Вергуновым перед ее кончиной в устах самого Достоевского нас бы не удивила.

Вторая жена Достоевского, Анна Григорьевна, страсть великого писателя к рулетке оправдывала: дескать, она непроизвольно его захватила, и без рулетки не родился бы замечательный роман «Игрок». Однако цена этой «страсти» уже определена. Смерть Исаевой и вполне доказанное неоказание ей помощи в ее критическом состоянии - цена « страсти» и «творческих подъемов». Страсть победила. Исаева погибла.

«Воспаление простатической железы»

Но вот Исаевой совсем худо. Казалось бы - дни ее сочтены, и в письмах Достоевского ей должно быть уделено должное место. Однако свой собственный недуг в очередной раз заслонил в глазах Достоевского состояние Исаевой. У Достоевского воспалилась «простатическая» (предстательная) железа и он опасался, как бы в про-

стате не образовался нарыв. Он тут же устроил себе постельный режим, ему ставили пиявки, поили микстурами. Его мучили судороги, и это его тяготило гораздо более, чем трагическое угасание Исаевой. О ней в письме брату от 5 марта 1864 г. - всего одна строчка в самом конце послания, о своей же простате Достоевский распространялся весьма подробно. Более того, та самая упомянутая одна строчка про Исаеву наполовину касалась его самого: «Я болен, Марья Дмитриевна страшно больна». Между тем, никакого «простатического нарыва» не было, а до кончины Исаевой остаются считанные дни...

Но вот Достоевский узнает, что больше двух недель Исаева не протянет. И он просит брата заранее купить пасынку Паше черное платье для похорон. Иными словами - похоронные атрибуты Достоевским предусмотрительно закупаются еще при живой жене! Это все равно, что загодя купить гроб. Отношение к смерти Исаевой настолько вызывающее pragматичное, что поневоле задаешься вопросом: а была ли любовь? Был ли «кузнецкий венец» - не было ли и венчание столь же вычисленным pragматичным шагом. Ведь красивые слова о любви на поверку мало чего стоят в устах писателя, чей профессиональный долг - писать красиво.

Удивляет, что Достоевский одновременно ждет смерти жены со дня на день и - работает. Пишет. И даже сетует на перерыв в работе, если жена умрет. Этакая досадная помеха, что омрачит творчество, которое, конечно же, останется в веках... В общем, Исаева в очередной раз неудобна. Не вовремя умирает. Могла бы и повременить - дать супругу спокойно закончить работу, а потом - умирай себе!

Между тем до смерти жены десять дней. В письме к брату Достоевский сообщает «о совсем умирающей жене», однако - весьма странно. Все письмо - о самом себе. Единственная же строчка об умирающей жене - и то полна жалости к самому себе: «Жизнь угрюмая... раздражены нервы». Удивительно: даже в последние дни жизни Исаевой Достоевский, как в плохом анекдоте, сведения о критическом состоянии здоровья жены чередует с намеками на недомогания в связи с воспалением собственной простаты! Потому что оба эти факта, болезнь жены и своя собственная, для него равновелики. А скорее, своя собственная - куда важнее: Исаевой-то умирать, ей - все равно, а ему еще жить двадцать лет...

Шесть дней до смерти Исаевой. Мысли Достоевского заняты отнюдь не женой. Его волнуют более всего, судя по письму к брату, деньги, отношения с теткой, подписка на журнал. Об Исаевой - всего одна строчка. Зато есть другое: Достоевский заранее приглашает брата на похороны. Ее, живую - в какой уже раз! - опять хоронит преждевременно.

Один день до смерти. Исаева исповедуется. Письмо к брату. Сведения об Исаевой - лишь в самом конце. Причем за «исповедальной» сценой стоит приписка, касающаяся его возлюбленной Аполлинарии Сусловой, повесть которой Достоевский пристраивает в журнал «Эпоха». Таким образом, даже в последний день жизни Исаевой помыслы Достоевского направлены к женщине, с которой он переживал столь бурный роман за границей. Хотя, как уже сказано, благоразумнее и человечнее было бы за границей лечить Исаеву.

День смерти. Письмо к брату. Достоевский рассказывает о последних часах жизни Исаевой. Но это - как бы между прочим, всего лишь третья часть письма. Остальное - литературные планы и описание его склоки из-за денег с Боборыкиным. Рассуждения о склоках никоим образом Исаевой не касающихся, в последний момент ее жизни выглядят кощунственно.

Итак, Исаева была убита. Убита гением. Но, тем не менее, в течение всей жизни Достоевского она станет ненавязчиво преследовать его. Парадокс? Конечно. Но это тема другого рассказа.

